

Ю.Ф. Флоринская

Центр «ИНСАП» РАНХиГС, НИУ ВШЭ, Москва

Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии¹

Аннотация. В статье, на основе данных МВД РФ и ФСБ РФ, оценивается актуальная численность и география привлечения иностранных трудовых мигрантов в Россию; анализируется перечень основных стран – доноров трудовой миграции и возможные перспективы его изменения; с помощью данных Пенсионного фонда Российской Федерации сравнивается структура занятости иностранных мигрантов и россиян. Показано, что среднегодовая численность пребывающих в России трудовых мигрантов в последние два года так и не вернулась на допандемийный уровень и сейчас не превышает 4–4,5% занятых на российском рынке труда. Трудовая миграция на современном этапе почти на 90% обеспечивается выходцами из трех стран Средней Азии – Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана; первые две страны также вносят основной вклад в региональные бюджеты в виде платежей за патенты. Структура занятости иностранных трудовых мигрантов продолжает заметно отличаться от структуры занятости россиян, что в условиях дефицита работников на российском рынке труда делает конкуренцию между ними маловероятной. География привлечения мигрантов почти не меняется на фоне сокращения их численности: по-прежнему на долю двух столиц и их областей приходится больше половины всех работающих в России иностранцев; доля каждого из остальных регионов, формирующих первую двадцатку по этому показателю, не превышает 1–2%.

Ключевые слова: трудовые мигранты, страны-доноры, доля занятых, структура занятости, легализация, регионы России.

Классификация JEL: J61, R23.

Для цитирования: Флоринская Ю.Ф. (2024). Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2 (63). С. 223–232.

DOI: 10.31737/22212264_2024_2_223-232

EDN: IUFKXT

Введение

На протяжении последних 10 лет численность трудовых мигрантов в России характеризуется нисходящей динамикой. По оценкам исследователей, в 2012–2014 гг. в России одновременно находились около 6–7 млн трудовых мигрантов (Варшавская, Денисенко, 2014). При этом число оформивших официальные документы для работы превышало в 2013–2014 гг. 3 млн (Рязанцев, 2016). К 2018–2019 гг., в результате последствий экономического кризиса 2014–2015 гг., а также существенного изменения миграционного законодательства, общая численность трудовых мигрантов сократилась до 4,5–5 млн человек (Мкртчян, Флоринская, 2018). Пандемия коронавируса в 2020–2021 гг., сопровождавшаяся закрытием границ, снижением спроса на труд мигрантов и девальвацией рубля, способствовала дальнейшему сокращению численности трудовых мигрантов в России еще на четверть (Florinskaya, Mkrтчyan, 2021). Только к концу 2021 г. и началу 2022 г. ситуация начала меняться, и число прибывающих в Россию мигрантов посте-

пенно стало расти. Однако прогнозы экспертов, ожидавших возврата или даже превышения допандемийных объемов трудовой миграции (Денисенко, Мукомель, 2020), не подтвердились. Начало специальной военной операции в феврале 2022 г., введение экономических санкций, очередная девальвация рубля, трудности вывода заработанных денег из России остановили ожидаемый рост, хотя и не вызвали заметного сокращения трудовой миграции в Россию.

В этой статье мы попробуем собрать всю возможную информацию об актуальной численности иностранных трудовых мигрантов в России, о доле основных посылающих стран в потоке трудовой миграции, об отраслях и географии занятости трудовых мигрантов в текущей экономической ситуации. Это представляется нам особенно важным, в том числе и потому, что статистические данные по миграции не только публикуются все более скудно, но и содержательно меняется их смысл. Неспециалисту становится все труднее разобраться, что стоит за отдельными показателями.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

1. Объемы трудовой миграции в Россию после пандемии.

Легализация на рынке труда

К сожалению, в России не существует какого-либо одного официального источника статистической информации, позволяющего *достоверно* судить о численности ежегодно пребывающих на ее территории иностранных трудовых мигрантов. В результате для формирования реальной оценки величины данного показателя приходится прибегать к компиляции информации из различных источников. Имеются в виду и данные о потоках (въезд в Россию трудовых мигрантов; число поставленных на миграционный учет с целью «работа»; число оформленных и полученных документов для работы – разрешений на работу (РНР) и патентов; число уведомлений, присланных работодателями, о заключении договоров с мигрантами и т.д.), и данные на определенный момент времени (например, число действительных документов – РНР и патентов – на дату). Ранее можно было еще пользоваться данными Главного управления по вопросам миграции (ГУВМ) МВД РФ о пребывании мигрантов различных категорий на территории России на определенную дату (Кудрин и др., 2023, с. 305), однако в последний год ГУВМ такую информацию не предоставляет даже по запросу.

Начнем с данных Пограничной службы ФСБ РФ о числе иностранцев, въезжающих в Россию с целью работы, публикуемых с 2019 г. (табл. 1). Судя по этим данным, интерес иностранных граждан к работе в России в последние два года не снижается. Так, в 2022 г. въезд на треть превысил показатели 2021 г. (с еще сохранявшимися на тот момент пандемийными ограничениями); в 2023 г. рост по сравнению с 2021 г. превысил уже две трети. Въезд трудовых мигрантов в Россию

в прошлом году оказался даже на 10% выше, чем в допандемийном 2019 г.

Однако данные о въезде трудовых мигрантов сами по себе не позволяют оценивать ситуацию их пребывания на территории РФ; для полноты картины нужны данные об обратном потоке – ежегодном выезде трудовых мигрантов из России. Такие данные, на основании того же источника (ФСБ РФ), публикует Росстат в ежегодных сборниках по миграции. Комплексное сравнение въездного и выездного потоков трудовых мигрантов за четыре года (2019–2022 гг.) показывает уже несколько иную картину, отличную от отображенной в табл. 1. Оказывается, рост въезда трудовых мигрантов в 2022 г. по сравнению с 2021 г. сопровождался значительным ростом выезда (на 128% в сравнении с 2021 г.), в результате итоговая прибавка к численности трудовых мигрантов в РФ за 2022 г. оказалась на 20% ниже, чем в 2021 г., и на 55% ниже, чем в допандемийном 2019 г. (рис. 1).

Следующим источником данных о пребывании в России трудовых мигрантов могла бы стать статистика их постановки на миграционный учет, собираемая ГУВМ МВД РФ. До 2020 г. включительно эта статистика содержала колонку с данными – «первичный учет по целям»; по ним можно было судить о численности трудовых мигрантов (человек), впервые вставших на учет в течение года (миграционный учет с целью «работа»). С 2015 по 2020 г. среди встававших первично на миграционный учет таких было в среднем чуть меньше половины (Русанов, Чудиновских, 2022), за 2019 г. – например 5,5 млн человек. Но в 2021–2022 гг. первичный учет публиковать перестали: ГУВМ ограничилось демонстрацией числа фактов постановки на учет (которых в течение года у одного и того же человека могло быть несколько). В 2023 г. методика

Таблица 1.

Въезд в Россию иностранных граждан с целью «работа», человек², 2019–2023 гг.

Год	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал	Итого
2019	1 156 152	1 204 675	925 020	809 044	4 094 891
2020	1 019 780	1 943	14 756	47 458	1 083 937
2021	193 130	868 362	854 083	682 399	2 597 974
2022	841 501	816 191	981 848	829 490	3 469 256
2023	1 294 030	1 236 511	1 041 631	940 198	4 512 370

Источник: данные ФСБ РФ³.

² Несмотря на то что в паспорте показателя, публикуемого ФСБ РФ, указано «человек», в реальности цифра отражает число въездов, т.е. один человек попадет в эту статистику столько раз, сколько раз он пересек российскую границу.

³ <https://fedstat.ru/indicator/38479>

⁴ <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

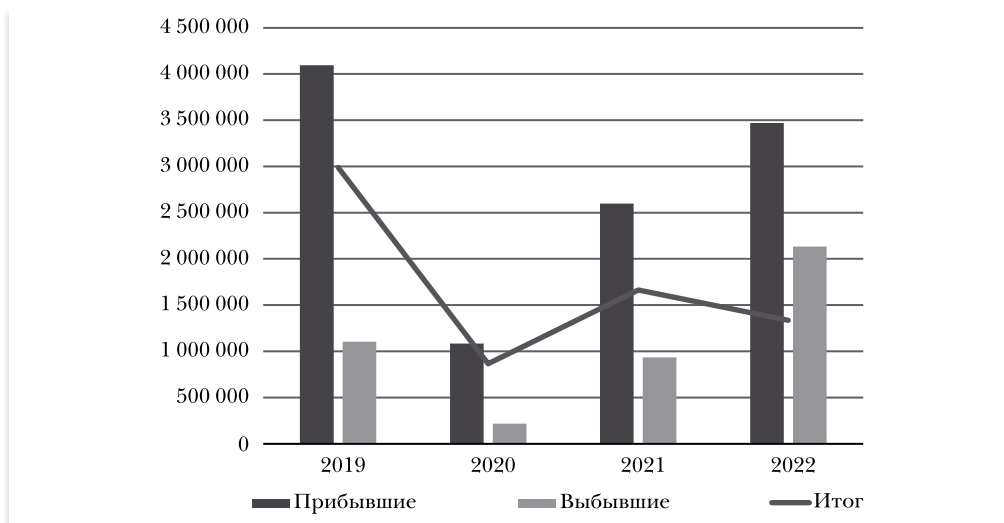

Рис. 1.

Прибывшие и выбывшие иностранные граждане, указавшие на границе цель «работа», человек, 2019–2022 гг.

Источники: Росстат «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 г.»; «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020 г.»⁴.

снова поменялась — теперь речь идет об иностранных гражданах, а не фактах постановки на учет, но как получен показатель, нигде не объясняется. Таким образом, что означает цифра в 6,3 млн иностранных граждан, поставленных на учет с целью «работа» в 2023 г., и как она соотносится с показателем по 2019 г., мы не знаем, и, таким образом, не можем использовать данных о миграционном учете для получения оценок численности трудовых мигрантов в России.

Гораздо более точным источником данных служат показатели оформления документов для работы (патентов и РНР) трудовыми мигрантами из стран, не входящих в ЕАЭС⁵. Однако эти цифры демонстрируют только ту часть трудовых мигрантов, которая предпочла оформить свое пребывание в РФ официально (Schenk, 2023). И в 2022 г., и в 2023 г. число оформивших документы для работы иностранных граждан превысило 2 млн (рис. 2).

Что касается единовременного пребывания трудовых мигрантов на территории России, то на конец 2023 г. 1,94 млн из них обладали действительными документами для работы; на конец 2022 г. — те же 1,94 млн человек. При этом число

действительных патентов было немного больше, а число разрешений на работу — немного меньше, чем в 2023 г.

Отметим попутно, что рис. 2 подчеркивает тот факт, что либерализация законодательства всегда вызывала рост легализации (в данном случае рост оформления разрешительных документов). Так, фактическое снятие квот на разрешения на работу с 2007 г. привело к росту числа легализованных в два раза (более подробно см. (Зайончковская, Тюрюканова, 2010)); введение такого инструмента, как патент, после экономического кризиса 2009–2010 гг. спровоцировало рост легализованных к 2014 г. почти в три раза (Денисенко, Чернина, 2017). Введение мер, направленных на продление миграционного учета⁶ и возможности смены цели въезда уже на территории РФ в 2021 г., вызвало рост числа оформленных документов почти в два раза. И наоборот, резкое удорожание патента и усложнение условий его получения в 2015 г. (на фоне экономического кризиса) привело к сокращению числа легализованных мигрантов почти в два раза.

Возвращаясь к статистике трудовой миграции: помимо оформивших документы для работы

⁵ Мигранты из стран — членов ЕАЭС (Казахстан, Беларусь, Армения, Кыргызстан) имеют право работать в России без разрешительных документов.

⁶ Указ Президента РФ от 15.06.2021 № 364 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

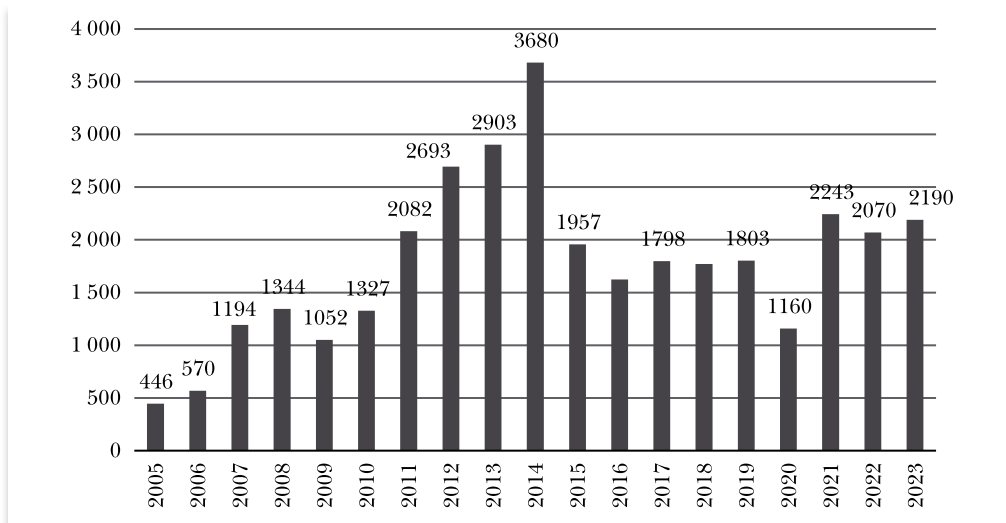

Рис. 2.

Сумма выданных документов для работы мигрантов в РФ, 2005–2023 гг., тыс.

Примечание. С 2005 по 2009 г. учитывались только разрешения на работу; с 2010 по 2023 г. — разрешения на работу + патенты.

Источники: данные ФМС РФ и ГУВМ МВД РФ.

иностранцев граждан из стран дальнего и ближнего зарубежья (2,1 млн в 2022 г. и 2,2 млн в 2023 г.), существуют еще граждане из стран ЕАЭС, которые трудятся в России без таких документов. В 2019 г. мигрантов из этих стран было, судя по первично вставшим за год на миграционный учет с целью «работа», около 1 млн человек. По 2022–2023 гг. достоверной информации по миграционному учету у нас нет. Однако косвенно о численности трудовых мигрантов из стран-членов ЕАЭС можно судить по числу уведомлений работодателей о заключении трудовых и гражданско-правовых договоров с мигрантами из этих стран, присланных в миграционные органы. В 2022 г. это число составило 645 тыс., а в 2023 г. — почти 690 тыс. человек⁷. Таким образом, официальная составляющая потока трудовой миграции составляла в 2022–2023 гг. около 3 млн человек за год.

Можно полагать, что какое-то число трудовых мигрантов продолжают работать в России без оформления разрешительных документов на работу, а среди мигрантов из стран-членов ЕАЭС — без заключения официальных договоров с российскими работодателями, и, таким образом,

не попадают ни в какую описанную выше официальную статистику. До пандемии, по оценкам, доля таких находящихся в тени составляла около трети от общего числа трудовых мигрантов (Русанов, Чудиновских, 2022; Абрамов и др., 2020, с. 371). Исходя из такого подхода, в 2022–2023 гг. эта цифра достигала еще около 1 млн человек. Однако мы полагаем, что в современной России, по мере развития цифровой информации, с постоянными проверками трудовых мигрантов по различным базам, в том числе на въезде и выезде, число пребывающих полностью вне правового поля значительно сократилось и вряд ли превышает 0,5 млн человек.

Таким образом, по нашей оценке, актуальная среднегодовая численность пребывающих в России трудовых мигрантов колебалась вокруг отметки в 3–3,5 млн человек, что в 2023 г. составляло около 4–4,5% занятых на российском рынке труда⁸.

Близкая цифра присутствия иностранных работников на российском рынке труда опубликована в системе ЕМИСС⁹. Показатель — среднегодовая численность трудовых ресурсов — получен на основе данных баланса трудовых ресурсов

⁷ Мы допускаем, что с одним и тем же мигрантом договор может заключаться несколько раз за год; следует иметь в виду, что часть мигрантов работает по договорам, заключенным в предыдущем году.

⁸ Трудовые ресурсы, занятость и безработица. Росстат (https://rosstat.gov.ru/labour_force).

⁹ <https://fedstat.ru/indicator/36730>

(по иностранцам: численность иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в России, получена по данным МВД РФ). По этим данным в 2022 г. среднегодовая численность иностранных работников составляла 3,47 млн человек (по 2023 г. данные пока не опубликованы).

2. Из каких стран в Россию продолжают ехать трудовые мигранты

Подавляющее большинство работающих в России трудовых мигрантов — выходцы из трех стран Средней Азии: Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Доля мигрантов из этих трех стран последовательно росла на протяжении всего последнего десятилетия, и в настоящее время приближается к 90%.

Так, если судить по данным въезда в Россию с целью «работа», то в 2022 г. доля этих трех стран во въездном потоке трудовых мигрантов достигла почти 87%, а в 2023 г. — немного превысила эту цифру¹⁰. Близкие результаты показывает анализ статистики по числу поставленных на миграционный учет (выше мы писали, что этими цифрами нельзя пользоваться для оценки абсолютного числа трудовых мигрантов, однако сравнить относительные данные — долю каждой страны в общем объеме считаем возможным). В 2022 г. доля трех стран Средней Азии среди всех поставленных на миграционный учет с целью «работа» составила почти 87%, в 2023 г. — 85%. Для сравнения: в 2021 г. эта доля составляла 82; в 2020 г. — 72; в 2019 г. — 68%.

В целом на страны СНГ среди всех поставленных на миграционный учет с целью «работа» в 2022 г. пришлось 97, в 2023 г. — 96% (в 2019 г. доля трудовых мигрантов из СНГ составила 92%). При этом в последнее время в прессе много сообщали о планирующемся массовом привлечении трудовых мигрантов из дальнего зарубежья (визовых стран) как альтернативе сократившейся трудовой миграции из СНГ¹¹. Однако пока никакие статистические показатели не подтверждают этой тенденции и мы не видим причин кардинального изменения ситуации. Единственная страна, которая попадает в первую десятку стран по числу поставленных на миграционный учет трудовых мигрантов — Китай, однако его доля в 2022–2023 гг. колебалась в рай-

оне 1% (0,9% — в 2022 г. и 1,2% — в 2023 г.). При этом даже в 2019 г. эта доля была выше — 2,6%. На втором месте среди стран дальнего зарубежья была Турция, ее доля в 2023 г. составила 0,5% (в 2022 г. — 0,4%), на третьем — Вьетнам — 0,4% (0,2%), на четвертом Индия — 0,3% (0,2%). Как видим, рост, о котором много говорится, ограничивается десятками процентного пункта.

Дополнительными источниками информации о представительстве трудовых мигрантов из разных стран на рынке труда в России служат данные о документах для работы, оформленных и полученных за определенный год. Так, мигранты из Узбекистана и Таджикистана составляют подавляющее большинство среди тех, кто работает в России по патентам¹². В 2023 г. на их долю пришлось 97% полученных патентов, в 2022 г. — также 97, в 2019 г. — 90%. Это означает, что и практически все ежемесячные платежи за патенты, поступающие в региональные бюджеты, обеспечиваются мигрантами именно из этих двух стран. В 2023 г. общая сумма таких платежей составила 106,7 млрд руб. (при 2,08 млн оформленных патентов), в 2022 г. — 97,2 млрд руб. (1,98 млн оформленных патентов).

В отличие от патентов разрешения на работу, за очень небольшим исключением, оформляются трудовыми мигрантами из визовых стран. За 2022 г. ими было оформлено 90 тыс. разрешений на работу; за 2023 г. — 114 тыс. разрешений. Небольшой рост показателя действительно произошел, однако в 2018–2019 гг., до пандемии, число оформленных разрешений для граждан дальнего зарубежья было выше 120 тыс. и 117 тыс. соответственно. Среди оформивших разрешения на работу в 2023 г. первую пятерку образуют Китай (41% оформленных разрешений), Вьетнам (20%), Индия (12%), Турция (11%) и Сербия (2%). Заметим, что число оформленных разрешений на работу для граждан дальнего зарубежья (едва превысило 100 тыс. в 2023 г.) не идет ни в какое сравнение с 2 млн патентов, оформленных гражданами стран СНГ.

Единственная категория трудовых мигрантов, где граждане визовых стран преобладают, — высококвалифицированные специалисты (ВКС). При этом за все годы после введения преференций для ВКС (с 2010 г.) их среднегодовая численность в РФ ни разу не превысила 50 тыс. человек (рис. 3). Максимальной

¹⁰ <https://fedstat.ru/indicator/36730>

¹¹ «Индия нам поможет» // *Коммерсант*. 1.02.2024 г. (<https://www.kommersant.ru/doc/6480459>); «Работодатели начали привлекать мигрантов из стран дальнего зарубежья» // *Российская газета*. 27.02.2024. (<https://rg.ru/2024/02/27/peremena-mest.html>); «Для борьбы с кадровым голодом в Россию придут специалисты из Кении» // *Газета.ру*. 12.01.2024 (<https://www.gazeta.ru/business/news/2024/01/12/22101127.shtml>).

¹² Кыргызстан — страна-член ЕАЭС; ее гражданам оформлять патенты или разрешения на работу не требуется.

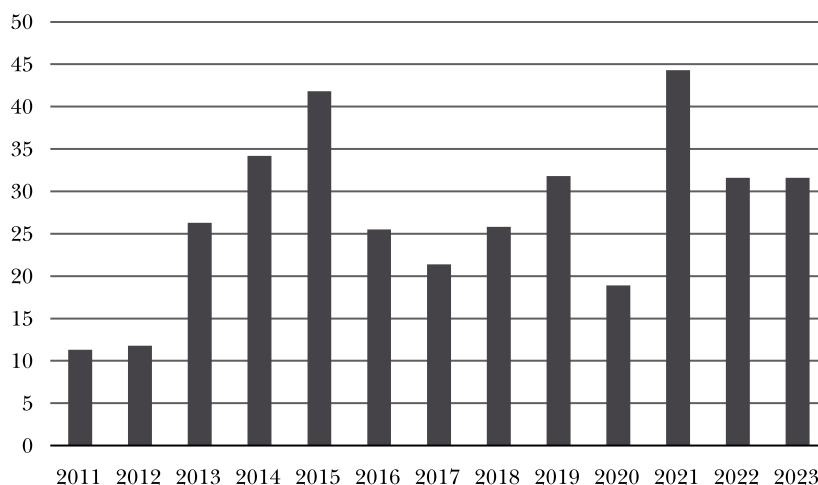

Рис. 3.

Оформление РНР для высококвалифицированных специалистов, 2011–2023 гг., тыс. человек

Источники: данные ФМС РФ и ГУВМ МВД РФ.

она была в 2021 г., когда было оформлено более 44 тыс. РНР для ВКС; в 2022 г. и 2023 г. этот показатель сократился до 32 тыс. Лидерами среди стран дальнего зарубежья в 2023 г. в группе ВКС был Китай (33% РНР для ВКС), Турция (28%), Индия (12%), Южная Корея (3%) и Сербия (2%).

4. В каких отраслях заняты мигранты на российском рынке труда

Информация об отраслевой занятости иностранных мигрантов перестала публиковаться миграционными органами (на тот момент ФМС России) с 2015 г. Последние опубликованные данные за 2014 г. (по уведомлениям работодателей, заключивших официальные договора с безвизовыми мигрантами) показывали наибольшую долю занятых в строительстве, сфере услуг, обрабатывающей промышленности, торговле (Захаров, 2016, с. 321). Дальнейшие оценки отраслевой занятости иностранцев проводились главным образом на основе масштабных опросов мигрантов. Так, по опросу 2017 г. (Мукомель, 2017), большинство мигрантов работали в торговле, строительстве, услугах, на транспорте и в домохозяйствах россиян. В целом набор основных отраслей, в которых заняты мигранты, сохраняется практически постоянным на протяжении последних лет, однако

их соотношение постепенно меняется: снижается доля занятых в строительстве и растет в секторе услуг. По оценке экспертов на основании проводимых опросов мигрантов, иностранцы в целом реже представлены в тех отраслях, где предъявляются повышенные требования к качеству рабочей силы и невысокий спрос на неквалифицированный труд (Мукомель и др., 2022, с. 168).

Имеющиеся в нашем распоряжении данные Пенсионного фонда РФ за 2021 г. (получены по запросу) также позволяют оценить доли занятых иностранцев в той или иной отрасли, хотя они включают только занятых официально (рис. 4). Судя по этим данным, структура занятости иностранных трудовых мигрантов продолжает заметно отличаться от структуры занятости россиян. Среди отраслей, которые играют заметную роль в занятости, как россиян, так и иностранцев, можно назвать торговлю, обрабатывающую промышленность, транспортировку и хранение. Однако на фоне крайне низкой безработицы в настоящее время (3,0% – в декабре 2023 г.¹³) конкуренция между россиянами и иностранцами даже в перечисленных отраслях маловероятна. Более того, проведенный в 2022 г. опрос работодателей показал, что дефицит работников, особенно квалифицированных и неквалифицированных рабочих, наблюдается во многих отраслях, в частности в обрабатывающей промышленности, строительстве, складском

¹³ <https://fedstat.ru/indicator/57341>

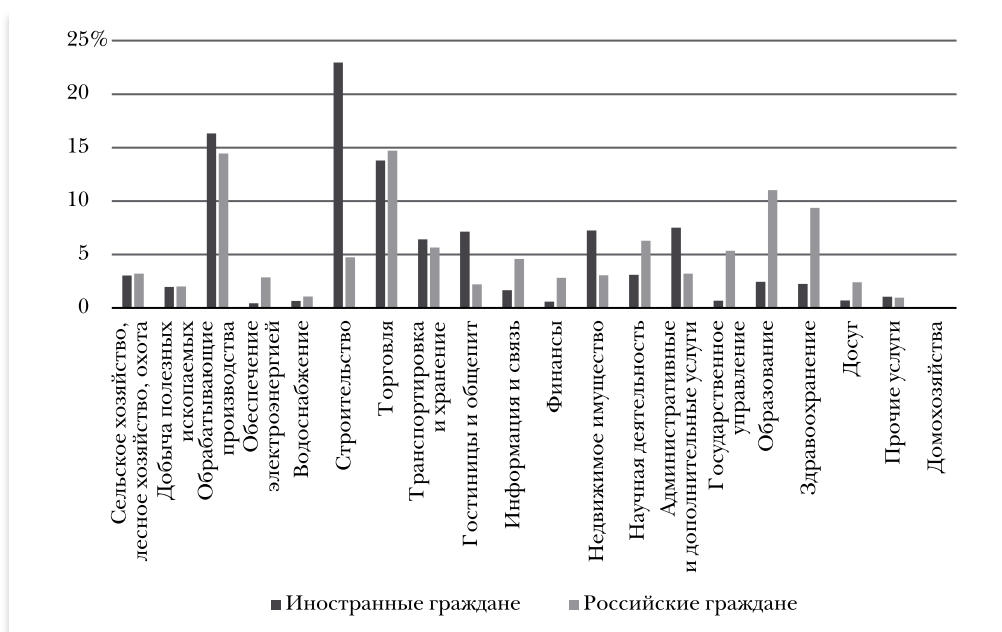

Рис. 4.

Отраслевая структура занятости российских и иностранных граждан, 2021 г., %

Источник: данные ПФР.

хозяйстве, ЖКХ, на транспорте, в сельском хозяйстве (Мукомель, Денисенко, 2023, с. 30).

5. В какие регионы продолжается наиболее массовая трудовая миграция

Сокращение объема трудовой миграции и сокращение списка стран-доноров трудовой миграции мало повлияло на региональное распределение работающих в России иностранных граждан. По-прежнему округом-лидером, чаще всего привлекающим трудовых мигрантов по патентам и разрешению, служит Центральный ФО, на втором месте, со значительным отрывом, — Северо-Западный, на третьем — Приволжский.

Такое же распределение по округам получается при анализе числа поставленных на миграционный учет, включающий всех трудовых мигрантов, а не только работающих по разрешению и патентам.

Среди конкретных регионов продолжают лидировать две столицы и их области, на их долю последние несколько лет приходится больше половины всех поставленных на миграционный учет с целью «работа» (55–60%). Очень похожее распре-

деление наблюдается и при использовании данных МВД о среднегодовой численности иностранных работников (рис. 5). Среди 20 регионов-лидеров в 2022 г. — также впереди столицы и их области, на их долю в сумме приходится 55% иностранных работников; при этом доля остальных регионов не превышает 1–2% общей численности работающих в России иностранцев.

Заключение

Комплексный анализ различных источников данных о трудовой миграции в Россию показал, что актуальная численность трудовых мигрантов после февраля 2022 г. так и не вернулась к допандемийным значениям, несмотря на снятие ограничений на въезд в РФ. В 2022–2023 гг. среднегодовое число трудовых мигрантов, находящихся в России, не превышало 3–3,5 млн человек (в 2019 г. — около 4,4–5 млн, что составило 4–4,5% всех занятых на российском рынке труда. Отметим при этом, что в последние годы заметно выросла доля мигрантов, предпочитающих легализовать свое положение на российском рынке труда (прежде всего оформляя патенты и разрешения на работу).

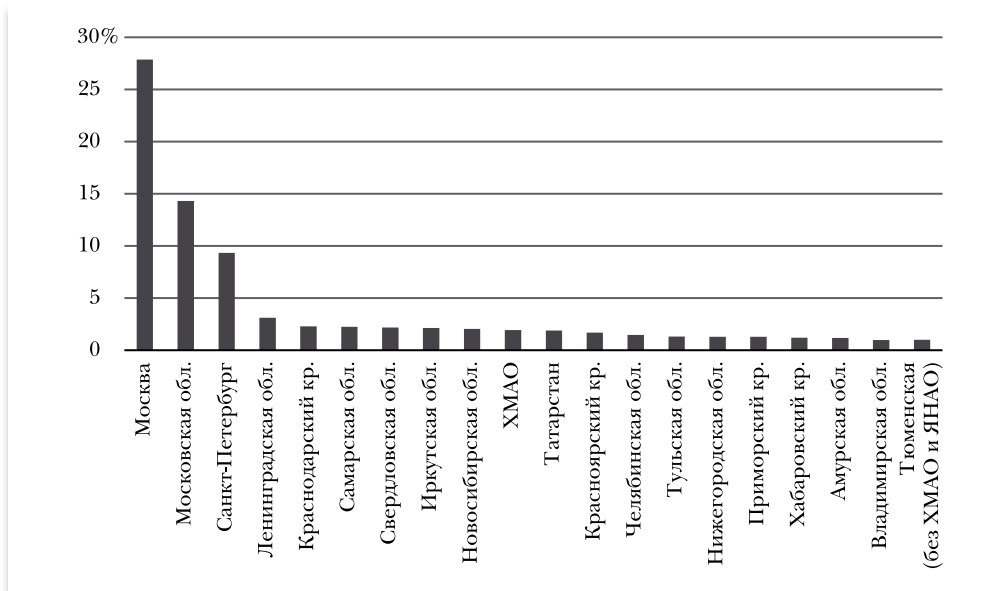

Рис. 5.

Регионы – лидеры по среднегодовой численности иностранных работников, 2022 г., % общероссийского показателя

Источники: ЕМИСС, показатель – среднегодовая численность трудовых ресурсов, иностранные граждане¹⁴.

Трудовая миграция в Россию становится все менее разнообразной, 85–87% ее численности – выходцы из трех стран Средней Азии (Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана). Их доля в общем потоке росла на протяжении всего последнего десятилетия, в основном за счет сокращения численности мигрантов из других посылающих стран. Несмотря на появляющиеся в прессе и среди лиц, принимающих решения, заявления о предполагаемом заметном росте привлечения трудовых мигрантов из дальнего зарубежья, статистических данных, подтверждающих эту тенденцию, пока нет. Более того, по нашей оценке, и в ближайшем будущем существенного расширения списка посылающих стран и в целом заметного роста доли визовых мигрантов ожидать не стоит.

Структура занятости трудовых мигрантов на российском рынке труда по-прежнему значительно отличается от наблюдаемой для российских работников. Для мигрантов ведущими отраслями остаются строительство, обрабатывающие производства, торговля, сфера услуг; при этом доля строительства сокращается, а сферы услуг – растет. Среди отраслей, где более или менее массово заняты и россияне, и иностранцы, можно назвать торговлю, обрабатывающую промышленность, транспортировку и хранение. Однако мы пола-

гаем, что в условиях крайне низкой безработицы и наблюдаемого дефицита работников конкуренция между россиянами и мигрантами даже в этих отраслях маловероятна.

Наблюдаемые изменения в численности мигрантов и в структуре миграции по странам происхождения мало влияют на географию привлечения трудовых мигрантов в России, в последние годы она меняется мало. Большинство иностранных мигрантов продолжает трудиться в двух федеральных округах – Центральном и Северо-Западном. Среди регионов с большим отрывом лидируют Москва и Санкт-Петербург и их области, на их долю приходится от 55 до 60% находящихся в стране трудовых мигрантов. Доля каждого из остальных регионов, даже входящих в первую двадцатку, в настоящее время не превышает 1–2% в общем объеме трудовой миграции в Россию.

Литература/ References

- Абрамов А., Авдонина А., Авксентьев Н., Апева-лова Е. и др. (2020). Российская экономика в 2019. Тенденции и перспективы. Вып. 41. В.А. Мау, А.Л. Кудрин, А.Д. Радыгин, С.Г. Синельников-Мурылев (ред.). М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 632 с. ISBN: 978-5-93255-586-6. [Abramov A., Avdonina A., Avxentev N.,

¹⁴ <https://fedstat.ru/indicator/36730>

- Apevalova E.** et al. (2020). *Russian economy in 2019. Trends and Outlooks*, 41. V.A. Mau, A.L. Kudrin, A.D. Radygin, S.G. Sinelnikov-Murylev (eds.). Moscow: Gaidar Institute Press. 596 p. ISBN: 978-5-93255-587-3 (in Russian).]
- Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б.** (2014). Мобильность иностранных работников на российском рынке труда // *Социологические исследования*. № 4. С. 63–73 [Varshavskaya E.Ya., Denisenko M.B. (2014). Mobility of foreign workers in the Russian labor market. *Sociological Studies (Socis)*, 4, 63–73 (in Russian).]
- Денисенко М.Б., Мукомель В.И.** (2020). Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // *Демографическое обозрение*. № 7 (3). С. 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637 [Denisenko M.B., Mukomel V.I. (2020). Labour migration in Russia during the coronavirus pandemic. *Demographic Review*, 7 (3), 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637 (in Russian).]
- Денисенко М.Б., Чернина Е.М.** (2017). Трудовая миграция и заработка мигрантов в России // *Вопросы экономики*. № 3. С. 40–57. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-3-40-57 [Denisenko M.B., Chernina E.M. (2017). Labor migration and migrant earnings in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 3, 40–57. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-3-40-57 (in Russian).]
- Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В.** (ред.) (2010). Миграция и демографический кризис в России. М.: МАКС Пресс. 112 с. [Zayonchkovskaya Zh.A., Tyuryukanova E.V. (2010). *Migration and demographic crisis in Russia*. М.: MAKS Press. 112 p. (in Russian).]
- Захаров С.В.** (ред.) (2016). Население России 2014: Двадцать второй ежегодный демографический доклад. М.: Изд. дом ВШЭ. 357 с. [Zakharov S.V. (ed.) (2016). *Population of Russia 2014: Twenty-second annual demographic report*. Moscow: HSE University Publ. House. 357 p. (in Russian).]
- Кудрин А.Л., Мау В.А., Радыгин А.Д., Синельников-Мурьев С.Г.** (ред.) (2023). Российская экономика в 2022 году // *Тенденции и перспективы*. Вып. 44. М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 556 с. ISBN: 978-5-93255-653-5 [Kudrin A.L., Mau V.A., Radygin A.D., Sinelnikov-Murylev S.G. (eds.) (2023). Russian economy in 2022. *Trends and Outlooks*, 44. Moscow: Gaidar Institute Press. 521 p. ISBN: 978-5-93255-665-8 (in Russian).]
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.** (2018). Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1 (37). С. 186–193. [Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. (2018). Labor migration in Russia: International and internal aspects. *Journal of the New Economic Association*, 1 (37), 186–193 (in Russian).]
- Мукомель В.И.** (2017). Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // *Статистика и экономика*. № 6. С. 69–79. [Mukomel V.I. (2017). Migrants at the Russian labor market: Occupations, mobility, intensity of labor and wages. *Statistics and Economics*, 6, 69–79 (in Russian).]
- Мукомель В.И., Григорьева К.С., Монусова Г.А.** и др. (2022). Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук. 400 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022 [Mukomel V.I., Grigorieva K.S., Monusova G.A. et al. (2022). *Adaptation and integration of migrants in Russia: Challenges, realities, indicators*. Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. 400 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022 (in Russian).]
- Мукомель В.И., Денисенко М.Б.** (2023). Иностранцы в России: мнения работодателей // *Социологические исследования*. № 1. С. 26–37. DOI: 10.31857/S013216250021528-3 [Mukomel V.I., Denisenko M.B. (2023). Foreign workers in Russia: Employers' opinions. *Sociological Studies (Socis)*, 1, 26–37. DOI: 10.31857/S013216250021528 (in Russian).]
- Русанов А.В., Чудиновских О.С.** (2022). Может ли международная миграция сдержать депопуляцию Дальневосточного федерального округа? // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 18. № 1. С. 9–26. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.1 [Rusanov A.V., Chudinovskikh O.S. (2022). Can international migration restrain the depopulation of the Far Eastern federal district? *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 18, 1, 9–26. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.1 (in Russian).]
- Рязанцев С.В.** (2016). Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 2 (22). С. 16–28. DOI: 10.12737/18147 [Ryazantsev S.V. (2016). The contribution of labor migration to the Russian economy: Assessment methods and

results. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2 (22), 16–28. DOI: 10.12737/18147 (in Russian).]

Florinskaya Yu., Mkrtychyan N. (2021). Migration: Main trends in January-February 2021. *Monitoring of Russia's Economic Outlook. Trends and Challenges of Socio-Economic Development Moscow*, IEP, 10, 13–16. DOI: 10.2139/ssrn.3864043

Schenk C. (2023). Counting migrants in Russia: The human dimension of administrative data production. *International Migration Review*, 58 (2), 0197918323115455. DOI: 10.1177/01979183231154565

Поступила в редакцию 28.03.2024

Received 28.03.2024

Yu.F. Florinskaya

Centre «Institute for Social Analysis and Prediction», RANEPА; HSE University, Moscow, Russia

Labor migration to Russia: Reduction of flows accompanied by a little-changing geography¹⁵

Abstract. This paper, based on data from the Ministry of Internal Affairs and the FSB of the Russian Federation, estimates the current number and geography of attracting foreign labor migrants in Russia; analyzes the list of main donor countries of labor migration and possible prospects for its change. Using Pension Fund of the Russian Federation data, the employment structure of foreign migrants and the Russians is compared. It is shown that the average annual number of migrant workers staying in Russia in the last two years has not returned to the pre-pandemic level and now does not exceed 4–4.5% of those employed in the Russian labor market. At the present stage, almost 90% of labor migration is provided by migrants from three Central Asian countries – Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan; the first two countries also make the main contribution to regional budgets in the form of payments for patents. The employment structure of foreign migrant workers continues to differ significantly from the employment structure of the Russians, which, given the shortage of workers in the Russian labor market, makes competition between them unlikely. The geography of attracting migrants is almost unchanged accompanied by a decrease in their number: as before, the share of the two capitals and their regions accounts for more than half of all foreigners working in Russia; the share of each of the other regions forming the top 20 in this indicator does not exceed 1–2%.

Keywords: labor migrants, employment share, employment structure, legalization, regions of Russia.

JEL Classification: J61, R23.

For reference: **Florinskaya Yu.F.** (2024). Labor migration to Russia: Reduction of flows accompanied by a little-changing geography. *Journal of the New Economic Association*, 2 (63), 223–232 (in Russian).

DOI: 10.31737/22212264_2024_2_223-232

EDN: IUFKXT

¹⁵ The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.